

оправдало простое уважение к источнику и предпочло простое следование чтению списка эрудиции и остроумию знатоков.

В отношении древних произведений в еще большей мере, чем в отношении произведений писателей нового времени, применимо сказанное В. В. Виноградовым: «Самый текст сочинений писателя может быть точно установлен и правильно прочитан только тем, кто хорошо знает или глубоко изучил язык этого писателя»¹.

Историков или литературоведов, которые пытаются заниматься текстологией памятников древнерусской письменности, — а тем более такой сложной областью, как конъектуральным исправлением текста, — без основательного знания древнерусского языка, только по чутью, ждет горькое разочарование. Ученых, знающих древнерусский язык только в результате практических навыков чтения старых текстов, всегда можно узнать по грубым ошибкам в чтении и толковании трудных мест и по «приблизительности» перевода легких. Не менее важно и знание реалий эпохи.

Однако, помимо знаний и в первую очередь знаний языка, конъектуральные исправления требуют остроумия и находчивости. Вполне прав Т. Бирт, когда пишет: «Конъектура — это искусство и, как всякое искусство, она зависит от таланта»².

Наблюдения над рукописью

Пытаясь восстановить историю текста, надо обращать внимание не только на текст рукописи, но и на самую рукопись, на ее состояние, на утраты, дополнения, загрязненность отдельных листов, на сделанные на ней позднейшие записи и т. п. Все это может дать весьма важный материал для суждения об истории рукописи, обстоятельствах ее написания и последующей судьбе, а также об истории ее текста.

Так, например, если в рукописи имеются поправки, то весьма важно бывает узнать: делались ли поправки самим переписчиком или кем-то другим. Если поправки делал сам переписчик, то они могли явиться результатом проверки текста по тому же оригиналу, с которого он списывал, или проверкой по другой рукописи (то и другое можно с известной долей вероятности установить по самому характеру поправок). Но и та и другая правка будет, во-первых, почти одновременна с перепиской, а во-вторых, она будет сделана переписчиком, очевидно, с пониманием предшествующего своего же собственного текста, который он правит. Если же поправки внесены кем-то другим или тем же переписчиком, но спустя много времени, то эти поправки могут не только улучшать текст, но и искажать его. Правка может быть про-

¹ В. В. Виноградов. О языке художественной литературы. М., 1959. С. 6.

² Th. Birt. Kritik und Hermeneutik. Handbuch der Altertumswissenschaft, hrsg. von Ivan Müller. S. I., 1913. S. 124.

изведена по худшему тексту или по собственным соображениям правщика, не всегда квалифицированного.

Чтобы отличить оба типа правки один от другого, недостаточно обратить внимание на почерк (почерк того же писца может быть более торопливым при правке), тем более что почерки в средние века гораздо менее индивидуализированы, чем в новое время, а надо непременно обратить внимание на чернила. Другой цвет чернил — один из показателей того, что между перепиской рукописи и ее правкой был существенный разрыв во времени. Как известно, в древности чернила делались ручным способом и рецептов чернил было очень много, поэтому чернила в древнерусских рукописях чрезвычайно различаются между собой.

Все эти наблюдения возможны только тогда, когда текстолог имеет дело не с воспроизведением, а с самой рукописью.

С. Ф. Платонов при изучении Никоновской летописи указал на весьма важное в методологическом отношении положение: «Непосредственное знакомство с рукописным текстом есть непременное условие правильности и плодотворности всякого вывода о памятнике, и нельзя не пожалеть, что не всегда это условие осуществимо»¹. Это свое общее методологическое положение С. Ф. Платонов предполагает во многом замечательному анализу внешних данных двух старейших списков Никоновской летописи — Патриаршего и Оболенского. Установить историю текста Никоновской летописи помогают ему наблюдения над отдельными начертаниями оригинала, приведшими к ошибкам в копии, над распределением текста в тетрадях и т. д. Имеют значение даже наблюдения над загрязненностью отдельных листов. Так, С. Ф. Платонов, отмечая загрязненность оборота листа 939 Патриаршего списка Никоновской летописи, на котором заканчивалась одна из тетрадей рукописи, полагает, что это дает основание считать, что Патриарший список сперва заканчивался именно на этом листе, находившемся снаружи и поэтому более других захвачанном, и некоторое время существовал в таком виде отдельно².

То, как много существенного можно извлечь по истории рукописи из самой рукописи, показывает мастерский анализ Архивского второго списка Псковской летописи, сделанный А. Н. Насоновым. Приведу этот анализ целиком: «Рукопись б. Моск. Арх. мин. ин. дел. № 69 / 92 (90) или Архивский 2-й список представляет собою летописный свод, принадлежавший "стольнику" Василию Никифоровичу Собакину, как видно из приведенной выше³ записи на обороте чистого листа, и составленный трудами "грешного раба богоявленского дьячка из Бродов" Ондрюшки Ильина "по реклу Пофы"

¹ С. Ф. Платонов. К вопросу о Никоновском своде. СПб., 1902. С. 2.

² Там же. С. 8.

³ На обороте 3-го чистого листа рукописи написано: «Книга сия летописец столника Василья Никифоровича Собакина. Тщание и труды грешного раба богоявленского дьячка из Бродов Ондрюшке Ильина по реклу Пофы». (Примечание мое. — Д. Л.).

или "Козы", как явствует из записи на той же странице. Нам известен и другой свод, принадлежавший стольнику Василию Никифоровичу Собакину, с отметкой: "труды Козины", но свод иной редакции или, вернее, — отдельные, сбитые куски из свода, составленного, вероятно, около того же времени или несколько ранее... рук. б. Моск. Арх мин. ин. дел. № 447/915. Уже на основании этого можно предположить, что Андрюшка Ильин выполнял задание "стольника" Василия Никифоровича Собакина. Дальнейшее знакомство с Арх. 2 списком подтверждает наше предположение. В чем заключалась работа Ильина и к какому времени она относится? Переписка основного летописного текста производилась одновременно двумя писцами, что видно, во-первых, из того, что водяные знаки на всех листах одинаковы; во-вторых, из того, что с л. 125 об. начинается опять тот же почерк, которым писан текст до л. 92 об. Но конец рукописи, начиная с л. 234 до л. 243 об., написан новым, третьим почерком, и, по-видимому, той же самой рукой, которая на обороте чистого листа в начале рукописи писала надпись, указывающую на принадлежность рукописи стольнику Собакину и на заслуги Ильина в составлении свода. Судя по содержанию надписи, можно предполагать, что она сделана самим Ильиным, взявшим на себя труд составления свода по поручению, как мы предположили, стольника Собакина. Содержание последних листов рукописи, написанных этим третьим почерком, подтверждает такое предположение. Сам Ильин взял на себя труд переписки последнего известия летописного свода — о поставлении на Москве печерского архимандрита Макария во Псков архиепископом, о приезде его во Псков после поставления на его место архимандритом в Печерский монастырь Митрофана (бывшего игумена Мирожского монастыря). По-видимому, Ильину необходимо было в середине вставить известие, взятое, вероятно, из разрядных записей, касающееся Собакина, отца Василия Никифоровича: "а был тогда во Пскове государев воевода оконечей Никифор Сергеевич Собакин, да дьяк Иван Степанов, а во дворце был дьяк Иван Дмитриев" (л. 234 об.). Что это действительно вставка, подтверждается и тем, что событие, о котором идет речь, относится к 158 (1650) году; к этому же году относится и последующее сообщение о поставлении Митрофана на место Макария и по его благословению, а вслед за тем читаем о событии более раннем, под 156 (1648) годом: о приезде во Псков на воеводство окольничего Никифора Сергеевича Собакина (на место князя Лыкова) и с ним дьяка Ивана Дмитриевича (л. 235); и далее (до конца) идет материал разрядных записей, причем следующая за 156 г. дата — 154 г., а на л. 236—236 об. под 154 г. мы читаем: "тово же числа государь пожаловал оконничеством Никифора Сергеевича Собакина, а сказывал ему оконничество думной дьяк Михайло Волошенин". Указанное обстоятельство заставляет предполагать, что летописный свод, который переписан был двумя писцами, а самый конец которого списал (со вставкой о Собакине) сам Ильин, кончался известием о поставлении Митрофана. Сделав вставку о Собакине, Ильин затем приписал сообщение о приезде во Псков на воеводство Никифора Сергеевича Собакина в 156 г. и далее привел материал разрядных записей, среди которых написал и о пожаловании окольни-

чеством Никифора Сергеевича Собакина (под 154 г.). Последнее сообщение рукописи (в материале разрядных записей) относится к 1650 (158) г. Водяной знак дает дату 1647 г. Таким образом, можно думать, что рукопись написана вскоре после 1650 г.*¹.

*

При перепутанных листах рукописи особенно важно бывает датировать время переплетения рукописи. Эта датировка может быть сделана на основании палеографических данных, которых мы здесь не касаемся, и на основании данных косвенных. Так, например, А. А. Зимин датирует время переплетения Иоасафовской летописи следующим образом. Листы рукописи перенумерованы почерком XVIII в. и перепутаны: лл. 162–162 об. и 169–169 об. в двадцатой тетради поменялись местами. Очевидно, это было сделано при переплете: во всяком случае, перемещение это не могло быть сделано после переплетания. Отсюда следует, что переплет и путаница листов относятся ко времени не ранее XVIII в.²

*

Особое текстологическое значение имеют приписки и записи, которые делали усердные читатели на полях, в конце рукописей, на остающихся свободными листах и на внутренней стороне переплетов.

Записи эти очень ценные во многих отношениях. Они ценные в отношении языка, так как чаще всего они писаны без всяких претензий на литературность, обычным, разговорным языком. Затем, в них содержатся сведения о времени и месте написания рукописей, об их переписчиках, о владельцах рукописей — кому какая рукопись принадлежала, и мы, таким образом, получаем представление о социальном составе читателей. Содержатся в них и очень важные сведения о том, где та или иная рукопись куплена, за какую цену и т. д.

Иногда утомленный писец отвлекался от работы и делал всякого рода записи на полях. В одном случае он жалуется на болезнь, на голод, выражает неудовольствие судьбой³. В другом случае писец просит бога рассмешить его, так как его мучает дремота и он сделал в строке ошибку. Записывает

¹ Псковские летописи, вып. 1. Подгот. к печати А. Насонов. М.; Л., 1941. С. XXXI–XXXII.

² См.: А. А. Зимин. Предисловие. — В кн.: Иоасафовская летопись. М., 1957. С. 12.

³ Довольно много приписок на псковских рукописях собрано в работе А. А. Покровского «Древнее псковско-новгородское письменное наследие» (Труды XV археологического съезда в Новгороде, 1911 г., т. II. М., 1916). См. выше. С. 67–68.

писец и свои замечания по содержанию переписываемого им произведения. Иногда встречаются записи семейно-бытового характера: о рождении детей, смерти родственников и т. д. Бывает, что такого рода записи последующий писец по ошибке вносит в самый текст рукописи.

Насколько интересны такие приписки по содержанию, показывает следующая запись в Псалтыри БАН XVI в., на которую в свое время обратил внимание Н. Н. Зарубин¹: «Сия книжица писана при деръжаве великого князя Василья Ивановича всея Руси. Господи, помози рабу своему Терешици Иванову сыну. Дай ему, господи, руку крепку, а очи бы ему ясны; дай да ему, господи, ум бы свершен; дай да ему, господи, хоробрость Александров, а силу Самсонову, а сердце бы ему потулов, дай ему, господи, шсто (?) копие и шеков и с шаростыньц; дай ему, господи конь бы Редриков, немецкого богатыря. Амин. А писал книжицу Терешица, Иванов сын, грубы умом, мутн разумом, а рукою безаконою...».

Представляет очень большой интерес — кто этот немецкий богатырь «Редрик». Напомним, что в «Повести о взятии Царьграда в 1204 г.» упоминается «Дедрик» — известный герой немецкого эпоса Дитрих Бернский («Маркос от Рима в граде Бьрне, гъде же бе жил поганый злый Дедрик»). Редрик и Дедрик — возможно, одно и то же лицо. Перед нами, следовательно, быть может, свидетельство о знакомстве древнерусского писца с немецким эпосом.

Иногда приписки заключают в себе цитаты из литературных произведений, и тогда они могут дать дополнительный материал по литературной истории этих произведений.

Так, например, широко известна приписка в псковском Апостоле 1307 г., заключающая в себе цитату из «Слова о полку Игореве»: «При сих князехъ съяшется и ростяще усобицами, гыняше жизнь наша, в князехъ которы и веци скоротишася человѣкомъ». Исследователь этой записи Л. П. Якубинский отмечает, что в ней, в отличие от дошедшего до нас текста «Слова о полку Игореве», язык несколько более архаичен. Это понятно: первые издатели «Слова» располагали списком XV–XVI в., а запись относится к 1307 г. и делалась со списка, вероятно, еще более раннего².

¹ Сведения об этой приписке в неопубликованной статье Н. Н. Зарубина 1937 г.: «К вопросу об изучении русской средневековой литературы».

² Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953. С. 323–324.